

«ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

САПРЫКИНА Маргарита Владимировна

аспирант

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
г. Елец, Россия

Исследовательская история «последнего стихотворения» начинается свой отсчет лишь с начала XXI в., и сегодня можно говорить о нескольких подходах к изучению данного литературного феномена, обусловленных неоднородностью и разнообразием текстов. Объектом внимания в данной статье стало, в первую очередь, «последнее стихотворение» в его жанрологическом понимании, а целью исследования – выявление и описание структурно-семантических и жанровых особенностей отобранных поэтических текстов.

Ключевые слова: жанрология, «последнее стихотворение», смертельная рефлексия, смерть, экзистенциальность.

Жанр – ключевая категория поэтики, известная науке со времен античности. Однако вопрос о литературных жанрах продолжает оставаться достаточно запутанным. В свое время Н.Л. Лейдерман сделал важное, актуальное сегодня, заключение о том, что «литературоведение до сих пор не располагает достаточно убедительными представлениями о сущности жанра как об одном из фундаментальных законов художественного творчества, о той функции, которую он выполняет в творческом акте» [4, с. 12]. Одной из таких проблем в «новейшем» литературоведении, саккумулировавшей в себе интерес и к жанру, и к художественному осмыслению смерти, стало «последнее стихотворение».

Одним из первых о последних стихотворениях и их удивительной «структурно-смысловой и функционально-тематической однотипности» заявил Ю.В. Казарин в развернутом вступлении к своей антологии-монографии «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII-XX вв.» [6]. Следующим важным этапом в развитии понимания данного литературного явления стала коллективная монография «Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования» [8], изданная по итогам Всероссийского (с международным участием) научного семинара, который состоялся 25 марта 2022 г. в ЕГУ им. И.А. Бунина. В монографии ученые определяют проблемный круг изучения это-

го поэтического явления, исследуют проблемы его понятийных границ и типологии.

В настоящее время можно говорить о нескольких подходах к изучению данного литературного феномена, обусловленных неоднородностью и разнообразием текстов. Во-первых, исследователей интересуют поэтические тексты, которые являются последними в творческой биографии автора, во-вторых, тексты, написанные в жанре «последнего стихотворения», в-третьих, поэтические тексты, которые одновременно выполняют оба условия.

Остановимся на этих подходах и кратко опишем тот поэтический материал, который соответствует критериям последнего/«последнего» стихотворения.

Хронологически последнее стихотворение предсказуемо находится в тесной связи с фактом смерти поэта и является абсолютной неизбежностью для любого автора. Оно может быть написано как задолго до смерти поэта, так и незадолго до смерти, часто – накануне смерти (к примеру, «Август» И. Бродского, датированное январем 1996 г., т. е. за несколько дней до смерти в ночь с 27 на 28 января 1996 г.; стихотворение В. Высоцкого «Спасибо, друг, что посетил...», написанное 23 июля 1980 г., за 2 дня до смерти). Если последнее стихотворение не содержит характерные жанровые признаки, оно претендует на внежанровое понятие и буквально означает последний

творческий акт поэта.

Следующий подход к осмыслению исследуемого феномена – жанрологический, и в этом плане «последнее стихотворение» – жанр мортальной поэзии, который, как отмечает Б.П. Иванюк, хотя и «не входит в жанровый кодификатор поэзии, однако определенные и устойчивые признаки дают основания для включения его в лирическую жанровую систему мортальной поэзии наряду с эпитафией, реквиемом, мартирологом» [3, с. 4].

Жанровые пределы «последнего стихотворения» не регламентированы ни стилистическими, ни композиционными, ни сюжетными, ни версификационными требованиями, однако его атрибутивным признаком, обеспечивающим ему относительную содержательную стабильность, является мотив предчувствия смерти. В качестве факультативных признаков «последнего стихотворения» можно выделить авторскую номинацию произведения («Предсмертная песнь» или «Последние стихотворения»), «обращение к реальному, абстрактному или персонифицированному субъекту, в частности, к Смерти, <...> обращение к музе, возлюбленной, родине» [3, с. 5] и т. д.

Иными словами, жанр «последнее стихотворение» может не являться последним прижизненным текстом автора, но в тематическом плане содержать мотив предчувствия смерти и соответствующий ему мотив жизненного итога, в поэтологическом плане – обладать жанровым стилем, присущим мортальной поэзии. О.В. Зырянов называет такой подход содержательно-телеологическим: такого плана тексты обладают пафосом «некоей завершенности творческого процесса, своеобразной итоговой авторефлексии, во многом подытоживающей творческий путь поэта» [2, с. 8]. Данный подход и его принципиальное отличие от других О.В. Зырянов иллюстрирует текстами А.С. Пушкина: «Известно, например, что последний текст А.С. Пушкина – фактически это заключительная строфа в коллективно сработанном «Каноне в честь М.И. Глинки»: «Слушая сию новинку, / Зависть, злобой омрачась, / Пусть скрежещет, но уж Глинку / Затоптать не может в грязь». <...> Но трудно поспорить с тем, что в обществен-

ном сознании последним, по сути, итоговым произведением поэта воспринимается его знаменитое «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»)» [2, с. 8].

Хронологически последнее стихотворение может либо обнаруживать определенные жанровые признаки, которые мы обозначили выше, либо нет. Тексты, которые являются «последними» и хронологически, и сущностно представляют отдельный интерес. Так, к примеру, стихотворение-валета С.А. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...», написанное поэтом 27 декабря 1925 г., за день до своей смерти, является одновременно и последним текстом Есенина, и жанровым образчиком «последнего стихотворения» со свойственным ему мотивом предчувствия смерти.

О.В. Зырянов подчеркивает сложность в понимании данного поэтического феномена и полагает, что разграничение таких вариантов последнего стихотворения, как «пропозициональный (т. е. предваряющий, иногда задолго до смерти автора, тему его прощания с жизнью, подведения итогов жизненного пути, оценки им посмертной славы и пр.), а также номинальный (претендующий на итоговый характер в плане метафизическом или поэтологическом) и фактический (реально последнее стихотворение, написанное при жизни автора)» имеет дискуссионный характер. Тип поэтического текста, «который соединяет в себе черты номинального и фактического вариантов ПС» (здесь и далее: последнее стихотворение. – М.С.), ученый называет «классическим вариантом ПС» [2, с. 9] и полагает, что именно он «раскрывает в чистом виде саму феноменологию ПС в русской поэтической традиции» [2, с. 9].

К написанию своих «последних стихотворений» поэтов очень часто ведет долгая и безнадежная к выздоровлению, мучительная болезнь. Так было со многими стихотворцами, в том числе и с Н. Некрасовым. На протяжении двух последних лет поэт боролся со страшной болезнью и в буквальном смысле был «у двери гроба», однако продолжал писать. Вспомним названия поэтических текстов его последнего сборника стихов «Последние песни»: «Нет! не поможет мне аптека...», «Скоро стану добычею тленья...»,

«Друзьям» («Я примирился с судьбой неизбежно...»), «Музе» («О, муза! наша песня спета...») и т. п.

Так, в стихотворении Некрасова «О Муза! я у двери гроба!» реализуется мотив предчувствия смерти, приближение которой лирический герой заявляет уже в первом стихе:

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба... [5, с. 218].

В тексте мы наблюдаем и такой факультативный маркер жанра как обращение к Музе. Кроме того, за написанием стихотворения следует скорая смерть биографического автора: поэт пишет стихотворение практически накануне своей смерти 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г. – по новому стилю).

Таким образом, перед нами «классический» (как его называет О.В. Зырянов) вариант «последнего стихотворения»: текст является и (вероятно) последним прижизненным текстом автора, и содержит характерный жанровый мотив.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание: среди множества текстов «последнего стихотворения» следует различать такие, которые могут служить жанровыми репрезентантами (как, например, стихотворение Есенина или Некрасова), и те, в которых соответствующие жанровые признаки являются периферийными. И это объяснимо тем, что «последнее стихотворение» – структурно гибкий жанр, способный скрещиваться с другими жанровыми формами. Помимо ожидаемого синтеза с элегией, эпитафией (или автоэпитафией), напутствием, проклятием, молитвой, тестаментом, «последнее стихотворение» может сочетаться с типологически несходными жанровыми мотивами, к примеру, одическим. В качестве примера обратимся к стихотворению Г.Р. Державина «Река времен в своем стремленьи...» (также известным под другими названиями: «[Последние стихи Державина]» или – реже – «Ода на тленность»), написанное 6 июля 1816 г. за три дня до смерти поэта (8 июля 1816 года):

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы [1, с. 462].

Являясь «последним стихотворением», со свойственным ему трагическим переживанием, пафосом неотвратимости и предопределенности фатумом, морально-философским подтекстом и возможным мотивом некоего предчувствия смерти, отрывок представляет собой, предположительно, начало оды, которая не была завершена в связи со смертью Г.Р. Державина.

Вместе с тем, случается такое, что при всей формосодержательной разработке моральных мотивов в стихотворении, соотносить текст с жанром «последнего стихотворения» не получается. Так, по нашему мнению, происходит со стихотворением Б.А. Слуцкого «Кучка праха, горстка пепла...» (1977), которое, по Ю.В. Казарину, входит в парадигму последних текстов поэта. Обратимся к тексту:

Кучка праха, горстка пепла,
всыпанные в черепок.
Все оглохло и ослепло.
Обессилен, изнемог.
Непомерную расплатой
за какой-то малый грех –
свет погасший, мир разъятый,
заносающий душу снег [7, с. 392].

Стихотворение написано в 1977 г., перед девятилетним творческим «молчанием» поэта. Оно содержит обилие моральной и связанной с этой областью человеческой рефлексии лексики. Поэтике Слуцкого свойственно избегание высокого слога и «поэтическое выражением неизъяснимого на основе здравого смысла, серьезного и трезвого взгляда», попытка «осознать и назвать неназываемое в называемом, вечное – в смертном» [6, с. 513]. Это мы наблюдаем и в стихотворении «Кучка праха, горстка пепла...»: поэт упрощает некое сакральное, ритуальное содержание лексемы, означающей погребальную урну.

Восьмистишие демонстрирует и своиственные поэтике Слуцкого экономии языка и простой синтаксис: лексический лаконизм и отсутствие союзов в череде однородных членов (кучка праха, горстка пепла; обессилен,

изнемог; свет погасший, мир разъятый, заносающий душу снег) подчеркивают внутреннее состояние лирического героя – говорить связано и со словесным избытком не позволяют обессиленность и опустошенность. Кроме того, в стихотворении граница принципиально не отождествления лирического героя и биографического поэта размывается, что обязывает воспринимать строки со всей причастностью к авторским переживаниям.

Важно также отметить, что мотивы поэтического «молчания», жизненного опустошения и чувственного омертвения будут повторяться во многих стихотворениях Слуцкого 1977 г., например, в «Слове на камне»:

Стихла эта огромная нота. Звучанье превратилось в молчанье.

<...>

Я <...>

просто рядом стою,
солидарно зияю
с неоглядной,
межзвездной почти
пустотой,
сам отпетый, замолкший, поблекший, пустой [7, с. 423].

Однако, как мы отмечали, несмотря на глубокое экзистенциальное осмысление смерти лирическим героем и при всей формо-держательной разработке моральных мотивов Слуцким, соотносить рассмотренный текст с жанром «последнего стихотворения» было бы некорректным, поскольку ведущий жанровый маркер – мотив предчувствия смерти – в нем, по нашему мнению, ослаблен.

Итак, художественное осмысление смерти – одна из ключевых тем мирового художественного наследия, а сама ситуация перед лицом смерти оказывает на личность сильнейшее воздействие. Тем более интерес представляют «последние» (и/или итоговые) тексты поэтов, зачастую запечатлевшие размышления человека в «пограничных ситуациях» [9, с. 322]. Одной из художественных форм для трансляции онтологической рефлексии человека стало «последнее стихотворение», исследовательская история которого не соразмерна его практической истории [8, с. 3], что обуславливает актуальность изучения закономерностей художественного мышления и проблемы жанрологической интерпретации «последнего стихотворения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Г.Р.* Стихотворения. – М.: ГИХЛ, 1958. – 562 с.
2. *Зырянов О.В.* Феномен последнего стихотворения в формате лирической миниатюры // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. – С. 6-27.
3. *Иванюк Б.П.* «Последнее стихотворение»: жанрологическая заявка в формате словарной статьи // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. – С. 4-6.
4. *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 900 с.
5. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. – Л.: Наука, 1982. – Т. 3. Стихотворения 1866–1877 гг. – 511 с.
6. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография / авт.-сост. Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 552 с.
7. *Слуцкий Б.А.* Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 3. Стихотворения. 1972–1977 / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева. – 542 с.
8. Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. – 178 с.
9. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

«THE LAST POEM» AS A LITERARY FORM OF THE TRANSLATION OF ONTOLOGICAL REFLECTION

SAPRYKINA Margarita Vladimirovna

Postgraduate Student
Bunin Yelets State University
Yelets, Russia

Research history of «the last poem» begins its countdown only from the beginning of the XXI century, and nowadays we can talk about several approaches to the study of this literary phenomenon, due to the heterogeneity and diversity of texts. The object of attention in this article is, first of all, «the last poem» in its genre understanding, and the purpose of the study is to identify and describe the structural, semantic and genre features of the selected poetic texts.

Keywords: genre studies, «the last poem», mortal reflection, death, existentiality.
